

А. С. ЯКОВЛЕВ. А. П. ЧЕХОВ. ВОСПОМИНАНИЯ.

Публикация Ю. И. Масанова

Публикуемые воспоминания о Чехове были впервые напечатаны в московской газете «Русский листок» 1904, № 200, от 21 июля и № 201, от 22 июля под псевдонимом Язон и до настоящего времени оставались вне поля зрения исследователей жизни и творчества А. П. Чехова, если не считать разысканий библиографа И. Ф. Масанова, который установил, что автором воспоминаний является Анатолий Сергеевич Яковлев, малоизвестный журналист и беллетрист, сын владельца типографии в Москве, сенатора и камергера Сергея Павловича Яковлева (см. «Чеховиана»).

В 1880-х годах, как это и рассказывает автор воспоминаний, Чехов был его учителем и готовил Яковлева по русскому языку к экзамену в гимназию. После встречи Яковлева с Чеховым в Серпухове на любительском спектакле в 1897 г. знакомство их возобновилось и далее не прерывалось до смерти Чехова.

Вступив в конце 1890-х годов на путь журналиста, Яковлев неоднократно обращался за помощью к Чехову, который всегда охотно откликался на запросы своего бывшего ученика, читал его рассказы, давал советы и помогал ему печатать его произведения.

Яковлев сотрудничал в «Русских ведомостях», «С.-Петербургских ведомостях», «России», «Новом времени» и некоторых других периодических изданиях 1890—1900-х годов. Здесь он напечатал несколько рассказов, повестей, фельетонов и корреспонденций. В конце 1890-х годов Яковлев был чиновником особых поручений при самарском губернаторе, а в 1900-х годах недолгое время состоял редактором неофициальной части «Орловских губернских ведомостей».

С 1897 г. между Яковлевым и Чеховым существовала довольно большая и продолжительная переписка. Письма Яковлева к Чехову и затрагивают, главным образом, вопросы литературной работы самого Яковлева.

В 1898 г. Яковлев несколько раз обращается к Чехову по поводу своих рассказов, и Чехов дает ему рекомендательное письмо к Суворину, о чем свидетельствует письмо Яковлева к Чехову от 16 февраля 1898 г. из Самары: «Многоуважаемый Антон Павлович! Посылаю вам мой маленький рассказ „Ад“ и очень прошу вас, если только найдете его достойным, послать его в „Новое время“. К моему большому сожалению, я не мог воспользоваться вашим рекомендательным письмом к Суворину, так как приехал в Питер за день до моей свадьбы и чувствовал себя нездоровым». Прочитав этот рассказ Яковлева, Чехов в неизвестном нам письме к Яковлеву сделал ему несколько указаний и советовал рассказ «почистить». 20 мая 1898 г. Яковлев писал Чехову: «Очень благодарен вам за ваше милое письмо. „Ад“ мой я „почищу“ и в исправленном виде пришлю вам через несколько дней. Если это только вас не затруднит, то пошлите, пожалуйста, рассказ в „Новое время“. Говоря совершенно откровенно, я очень стеснен в материальном отношении, а в „Новом времени“ платят сотрудникам, кажется, лучше. У меня почти готов еще один рассказ, и, как мне ни совестно, а я буду просить вас принять в судьбе его ваше любезное участие».

Вероятно, именно о рассказе Яковлева «Ад» идет речь в письме Чехова Суворину от 12 июня 1898 г. из Мелихова: «Простите, посылаю вам рассказ одного молодого человека, некоего Анатолия Яковлева, моего ученика, который уже у вас печатался.

Прочтите, пожалуйста, и если можно, напечатайте. Рассказ недурной. Этого Яковлева (сына камергера С. П. Яковлева) я когда-то приготавливал в гимназию, и он, глядя на меня наивными глазами, спрашивал: „Ваш папаша камергер?“ А теперь он уже женат и служит чиновником особых поручений у самарского губернатора. Бежит время, бежит!» (XVII, 273). Другие письма Яковлева к Чехову, относящиеся к 1898 г., также полны просьбами о просмотре его рассказов и содействии в их публикации.

В воспоминаниях о Чехове Яковлев приводит четыре отрывка из ответных писем Чехова: отрывок из письма от 27 марта 1897 г. с просьбой навестить его в клинике проф. Остроумова; отрывок из письма от начала апреля 1897 г. с советами по поводу рассказа Яковлева (в воспоминаниях Яковлев скрывает себя под инициалами А. С.); отрывок из письма от 26 или 27 октября 1898 г. из Ялты, с просьбой хлопотать об Иване Павловиче Чехове; отрывок из письма конца декабря 1902 г. в Калугу, где в это время жил Яковлев. Обоснование датировок этих писем и пояснения к ним мы даем в примечаниях. Воспоминания Яковлева, а также его письма к Чехову, часть которых мы приводим в выдержках, говорят о том, что существовали и другие, не дошедшие до нас письма Чехова к Яковлеву и о нем. Так, например, с полной уверенностью можно сказать, что у Яковлева были следующие письма Чехова: 1898 г., февраль. Рекомендательное письмо Чехова о Яковлеве к Суворину; 1898 г., май. Письмо Чехова к Яковлеву с советом «почистить» рассказ «Ад»; 1898 г., июль. Письмо Чехова к Яковлеву с отзывом о рассказе «Пожертвование»; 1898 г., октябрь. Письмо Чехова к Яковлеву с советом встретиться с Сувориным в театре.

Нет сомнения, что и в следующие годы Яковлев получал письма от Чехова, которые, очевидно, нужно считать утерянными.

Мы с братом сидели в классной комнате, и наш гувернер-француз monsieur Jaque вдохновенно повторял нам, что цель грамматики заключается в том, чтобы научить нас правильно читать и писать по-французски, когда вошел отец. За ним следовал молодой, бедно одетый человек.

— Вот ваши ученики,— проговорил отец.— Это, дети, ваш учитель русского языка.

Мы шаркнули ногами. Молодой человек сконфуженно протянул нам руку и спросил наши имена.

— А меня зовут Антоном Павловичем Чеховым.

Худой, с ласковой улыбкой и добрыми серыми глазами, он сразу очаровал нас. Исподволь, не прибегая к наказаниям или принуждениям, он начал учить нас русскому языку, и эти уроки всегда доставляли нам большое удовольствие.

Прошло около двух месяцев. Как-то за обедом отец, обращаясь к одному из гостей, отвечал:

— Да, я с вами совершенно согласен: у Чехова несомненный талант. Я убежден, что он, со временем, займет видное положение в литературе.

Мы узнали, что наш любимый учитель — писатель.

Для нас, зеленой молодежи, готовившей поступить в лицей, слова «писатель», «поэт» и «артист» казались священными; а люди, носившие эти звания,— людьми необыкновенными.

И мы невольно стали относиться к Чехову совершенно иначе: прекратились самые невинные шалости и проказы, уроки выучивались на зубок, мы смотрели на учителя с благоговением.

Чуткий Антон Павлович не мог не заметить этой сдержанности и с обычной ласковой улыбкой спросил:

— Что это вы, господа, стали важничать?.. Уж не выдержали ли вы экзамена?.. Но, в таком случае, почему вы не в блестящих лицейских мундирах?..

Мы объяснили ему, в чем дело.

— Вот как,— равнодушно протянул Чехов.— Друзья мои, ваш батюшка слишком снисходителен. Никакого таланта у меня нет, а пишу я

потому, что нужно писать, иначе вашему прекрасному учителю нечего будет кушать, а кушать ведь хочется каждый день. Правда? Спасибо, что есть такие добрые редакторы, которые печатают Антошу Чехонте.

Встретился я с «Антошей Чехонте» много лет спустя, и вот при каких обстоятельствах.

В Москве в 1897 году существовал тесный кружок любителей драматического искусства, в котором и я принимал участие. Душою кружка являлась О. Н. Ш-ва, талантливая любительница¹.

Однажды я получил от нее приглашение ехать «на гастроль» в Серпухов и играть в пользу земской школы.

День нашего приезда в Серпухов совпал со днем открытия цирка. Когда мы, артисты-любители, поехали со станции в город, обыватели провожали нас восклицаниями:

— Это артисты из цирка!.. Это клоуны!..

Мы остановились в довольно невзрачном помещении клуба, где должен был состояться спектакль. Клубный буфет был заперт, всем нам страшно хотелось есть, но нельзя было достать даже чаю. Хорошо, что предусмотрительная О. Н. Ш-ва привезла с собой бутербродов.

Перед началом спектакля я пошел в кассу, чтобы справиться, как идет продажа билетов.

У кассы стоял господин в *ripse-pez*. Я внимательно посмотрел на него: лицо положительно знакомое. Через несколько минут я убедился в том, что передо мной милый учитель русского языка, А. П. Чехов. Та же добрая улыбка, те же добрые глаза... Только лицо обросло небольшой бородкой и носило следы утомления.

Я назвал себя, и мы горячо обнялись.

Оказалось, что Антон Павлович состоит попечителем той земской школы, в пользу которой мы играли.

Пошли обычные расспросы.

— Как поживаете? — спросил я.

— Скриплю помаленьку. Чувствую себя плоховато, хотя веду неприличнейший образ жизни. Я живу около Лопасни, в собственном имении. Итак, перед вами уже не бедняга-студент Антоша Чехонте, а помещик, или, вернее, нечто вроде старинного однодворца. Знаете что: дайте мне слово, что приедете ко мне в Мелихово?

После спектакля отправились на вокзал, где Антон Павлович угостил всех нас прекрасным ужином, и этот ужин вознаграждал нас за все дневные лишения².

Я совсем собрался ехать в Мелихово, как вдруг в феврале получаю от Чехова письмо.

«Я немножко захворал, — писал Антон Павлович, — заарестован доктором и лежу теперь в клинике профессора Остроумова. У меня кровохарканье. Хуже всего то, что меня отсюда не выпустят раньше Пасхи, а мне хотелось уговорить вас дать еще один спектакль в Серпухове на святой неделе и хотелось самому взять на себя обязанности бутафора и декоратора. Пишу лежа. Навестите меня»³.

На другой же день я поехал в клинику.

— Могу ли я видеть Антона Павловича Чехова? — спросил я сестру милосердия и сказал свою фамилию.

— Антон Павлович вас ожидает, но доктор просил предупредить, чтобы вы более десяти минут не сидели в палате и не заставляли Чехова долго говорить. Перед вами приезжал граф Л. Н. Толстой, пробыл у Антона Павловича полчаса, и после этого свидания Чехов очень ослабел.

Когда я увидел Антона Павловича Чехова, одетого в серый больничный халат, я был поражен его видом: он страшно похудел и побледнел.

— Что это вы вздумали болеть?

— И не говорите,— махнул он рукой.— Кровохарканье совсем замучило. Здесь мне душно. Скорее бы в Мелихово!..⁴

Я попросил Чехова оказать поддержку одному моему приятелю, который начинал писать, и Антон Павлович обещал дать ему рекомендательное письмо к А. С. Суворину.

Быстро прошли узаконенные десять минут, о чем напомнила сестра милосердия.

— Пришлите-ка мне рассказ вашего приятеля,— сказал на прощанье Чехов.— Я его здесь прочту.

Через несколько дней Антон Павлович вернул мне рассказ вместе с письмом к Суворину и просил передать А. С. (инициалы моего приятеля) следующий ответ:

«Не мешало бы А. С. пока написать другой рассказ. Если он хочет заниматься литературой не как дилетант, а по-настоящему, то, пока молод, пусть пишет непрерывно, не дожидаясь ответов от редакций и независимо от этих ответов. Один хорошенький рассказ, написанный на пространстве целого года, не делает из него литератора, как один гвоздь, вбитый им в стену, не делает еще из него плотника. Пусть А. С. не смущается, если на первых порах потерпит неудачу: это так же обыкновенно и естественно, как если бы он свалился, севши на велосипед первый раз в жизни»⁵.

После выхода из клиники Чехов находился в грустном, подавленном состоянии: очевидно, его беспокоила болезнь.

Но к осени его настроение стало другим, что видно из письма:

«Вы можете оказать мне услугу или протекцию, и мы будем квиты до самого страшного суда. Бude найдете это удобным, возьмите на себя труд похлопотать насчет И. П.⁶, который состоит на службе учителем уже почти 20 лет и давно хочет примазаться к какому-нибудь казенному училищу ради чиновничества — и никак не может. Как бы ему в конце концов получить коллежского регистратора? Увы, он так же, как и я, не имеет никакого чина. И. П. не кончил ни в университете, ни в гимназии, так как свою педагогическую карьеру начал чуть ли не с 18 лет. Но зато он считается заслуженным и образцовым педагогом. Он получил много наград, и грудь его подобна иконостасу: у него медалей, как у фельдфебеля, и если бы служба была государственной, то давно бы уже его произвели, по крайней мере, в статские советники. Здоровье мое недурно, погода редко бывает плохой, работать я, по-видимому, уже начал, так что живется пока ничего себе. Кем вы состоите в министерстве земледелия? И я тоже не чужд вашему министерству, я состою корреспондентом отдела сельскохозяйственной статистики, состою уже давно, так давно, что, кажется, уже имею право на ношение установленного знака (пустой коробки из-под сардин), но правом этим из вольнодумства не пользуюсь»⁷.

На следующий год Антон Павлович опять приехал в Москву, которую он очень любил. Он остановился у своей сестры, Марии Павловны, в Дегтярном переулке, где я его навестил.

Антон Павлович провел меня в свой кабинет, очень просто меблированный. На двери и на стене висели плакаты «Просят не курить». На столе лежало много рукописей.

— А вы как будто помолодели,— заметил я.

— Это верно. Угадайте, в чем секрет моей молодости? Я вставил зубы.

И, действительно, вставные зубы помолодили Чехова.

— Ну-с, — весело произнес он, — наступает конец моим лишениям. Кажется, продажа моих сочинений Марксу состоится на днях.

— На каких же условиях вы сошлись?

— В том-то и дело, что в условиях мы пока не сходимся. Маркс предлагает за все то, что я написал и напишу, 75 тысяч. А я хочу, чтобы он купил то, что уже мною написано, за 75 тысяч и заключил бы со мной следующий договор: все, что я напишу еще, я имею право печатать где мне угодно, а затем Маркс обязан включить новое произведение в собрание моих сочинений и платить мне в первое пятилетие по 250 руб. за печатный лист, во второе пятилетие 500 руб., в третье — 750 руб. и в четвертое — 1000 руб. Маркс пришел от этих условий в ужас и сказал, что я его разорю, что для того, чтобы заплатить мне и 75 тысяч, он должен занять, так как у него свободных денег нет. Но я готов дать ему расписку, написанную собственной кровью, что не проживу и трех лет. Да и вы знаете, я пишу теперь очень мало. Должно быть исписался. Впрочем, и написал я немало. Страшно устал, хочется отдохнуть, как следует.

— Разве вам мало приносит ваши сочинения, изданные Сувориным?

— Суворину некогда заниматься своим книжным магазином, а потому там такая путаница, что сам черт ногу сломает... Дело у него, с первого взгляда, поставлено широко, а в результате книжный магазин едва ли дает 7%... И потом я хочу сразу получить капитал в руки.

— Мне кажется, — заметил я, — что вы делаете большую ошибку. — Вам нужно самому издать собрание ваших сочинений и, конечно, вы получите не 75 тысяч, а несравненно больше.

— Не говорите, не говорите. Издание сочинений — это страшная возня. Где мне, больному человеку, брать на себя такую обузу. И 75 тысяч — большие деньги. Повторяю вам, мне осталось жить очень недолго.

— Полноте, Антон Павлович.

— Друг мой, вы забываете, что я хоть и плохой, но все же доктор. Меня никакие медицинские светила не надуют: дело мое плохо, и капут не за горами... Бросим говорить об этом... Скорее бы покончить с Марксом... Зажил бы покойно, отдохнул бы.

— Скажите, пожалуйста, — спросил я, — ваш первый рассказ был напечатан в «Будильнике»?

— Нет, первый рассказ вышел в «Стрекозе»⁸.

В 1900 году Антон Павлович приезжал в Москву ненадолго и, кажется, в этот приезд он и женился. Я был у него в «Дрездене»: он занимал очень скромный номер.

— А я опять нездоров, — сказал он. — Кровохарканье прошло, теперь мучит геморрой. Проклятая болезнь... Чудное средство от приступов геморроя — это Дорошевич. Молодец, Власт!.. Удивительно разнообразное остроумие!.. Вчера я до слез хохотал, читая его последний фельетон.

Он вообще очень любил Дорошевича и считал его одним из самых талантливых фельетонистов. Несколько лет спустя, когда один из гостей заметил, что Дорошевич исписался, Антон Павлович ответил:

— Нет. Дорошевич тот же, а мы к нему привыкли. Вот в чем дело.

Я заговорил и о другом фельетонисте, который начал входить в моду.

— Ну, это бездарность, — произнес Чехов. — Я как-то говорю ему, что, несомненно, придет время, когда не нужно будет паспортов и когда люди не будут бояться смертной казни. На это он, представьте себе мое изумление, спросил: «Значит тогда всякий может резать на улице кого угодно?»

Антон Павлович был в духе, рассказывал много анекдотов, строил планы насчет будущего.

— Хочу, — говорил он, — посетить все петербургские и московские тюрьмы. Меня интересует тюремный вопрос. Думаю, что министр

юстиции разрешит. Я в прошлом году встретил Н. В. Муравьева⁹ на набережной: он шел и нес в руках моих «Мужиков». Авось, «Мужики» составят мне протекцию.

Я должен был уехать из Москвы и поселиться в Калуге и два года не виделся с Чеховым¹⁰. За это время здоровье его сильно пошатнулось, и в конце декабря 1902 г. он писал:

«Калуга, вероятно, скучнейший из всех русских городов, но все же это лучше Крыма и Ялты, и потому позвольте позавидовать вам. Я целый месяц был нездоров, шла кровь горлом, ослабел. Теперь, по-видимому, дело пошло на поправку»¹¹.

В конце прошлого года¹² я виделся с Антоном Павловичем в последний раз.

Я нашел, что он сильно постарел и как-то осунулся.

— Как вы себя чувствуете? — спросил я.

— Скверно. Надо скорее бежать за границу, а денег совсем нет. От марксовских 75 тысяч осталось одно неприятное воспоминание... Да, вы были когда-то правы: надо было самому издавать сочинения... Но разве я мог предполагать, что протяну еще пять лет?.. Тогда 75 тысяч казались мне неисчерпаемым богатством... Теперь, если бы не гонорар за пьесы, мне совсем нечего было бы есть!.. А, знаете, меня считают богатейшим человеком; вот, сегодня я получил два письма: в одном просят у меня взаймы 500 р., в другом — 750. Не правда ли, злая ирония? ...Я никогда ни одного письма не оставлял без ответа, но на эти не отвечу; не то, чтобы мне было стыдно сознаться в своей бедности, а я уверен, что этой бедности не поверят!..

Чехов говорил, сидя на диване и сложив руки на коленях (его любимая поза во время беседы).

— «Вишневый сад» тоже меня не радует, — продолжал он с грустью в голосе. — Не могу разобраться: или пьеса никуда не годится, или артисты меня не понимают, или, наконец, они утомились после «Юлия Цезаря» и не могут сосредоточиться. Так, как идет у них пьеса теперь, «Вишневый сад» ставить нельзя.

Антон Павлович часто останавливался на полуслове, задумывался, и хотя прекрасная, одному ему свойственная улыбка изредка озаряла его лицо, но это была уже грустная улыбка, которая быстро исчезала, и на смену ей между бровями появлялась новая складка, указывавшая на то, что этот человек или сильно страдает, или думает о чем-нибудь очень важном...

Это последнее свидание произвело на меня тяжелое впечатление.

Замечательные черты в характере Чехова были: редкая для нашего черствого во всех отношениях времени — доброта и скромность.

Вот уж, правда, человек, который исключительно жил для других.

Студентом он бегал по урокам, писал рассказы, сам платил за право слушания лекций и еще помогал своим родным. И затем, когда его талант был уже признан, он опять-таки все отдавал своим близким, а на себя тратил гроши.

Чехов очень любил свое Мелихово, но там от несчастного случая (кажется, понесли лошади) скончался его отец¹³. Матери и самому Антону Павловичу было очень грустно оставаться в имении. Мелихово продали. Здоровье Чехова становилось все хуже и хуже. Как раз в это время был заключен договор с Марксом, у Чехова появились деньги: он купил дачу в Крыму.

Произведенный в генералы от литературы, Антон Павлович до самой смерти оставался милым, симпатичным добряком: не было ни одного начи-

нающего литератора или журналиста, которому он не помог. Он снабжал их рекомендательными письмами, хлопотал за них у редакторов и издателей, и, когда произведение было напечатано, он ликовавал.

Обладая идеально добрым сердцем, Чехов всегда находил доброе сердце и у своего ближнего.

Рекомендуя начинающего, он неизменно писал:

«...Это очень хороший и добрый человек...»

Отказывая себе подчас даже в необходимом, Антон Павлович не торопился написать какой-нибудь рассказ и послать его в любую редакцию, хотя отлично знал, что все, что бы он ни написал, будет тотчас напечатано.

Замечательно и бескорыстие Антона Павловича. Чеховский рассказ, напечатанный в «Ежемесячных литературных приложениях к „Ниве“», оплачивался по 1000 руб. за печатный лист. Тем не менее, он отдавал свои произведения и в другие издания, потому что он считал своим долгом выполнить обязательство перед подписчиками: его имя стояло в числе сотрудников, следовательно, в течение года он должен был что-нибудь написать. И последний его рассказ по этим соображениям был напечатан в «Журнале для всех», где ему платили не 1000, а 500 рублей. А лишние 500 руб., ах, как они были нужны Антону Павловичу!..

Вспоминаю и такой случай.

К Чехову приехал при мне редактор молодого журнала.

— Антон Павлович, спасите: журнал погибает, денег нет.

— Я сам погибаю, у меня тоже денег нет, — отвечает Чехов.

— Ради бога, дайте мне маленький рассказ. Он спасет мой журнал.

Антон Павлович задумался.

— Гм!.. У меня готов рассказ, но я уже его обещал... Впрочем, возьмите...

— Господи!.. Антон Павлович!.. — радостно воскликнул редактор. — Спасибо, от души спасибо!..

— Не за что, не за что... Буду очень рад, если, действительно, помогу вам.

— А ваши условия?

— От этого увольте. Что можете — заплатите. Если денег у вас сейчас нет, подожду.

— 250?.. — нерешительно проговорил редактор.

— За глаза довольно.

— Вот-с, извольте.

Когда редактор, рассыпавшийся в благодарностях, ушел, я не мог удержаться и сказал:

— Это бог знает, что такое!.. Вам дорога каждая копейка, вы хотели послать рассказ Марксу и вместо тысячи берете 250 рублей.

— Ну, полно!.. — проговорил Чехов. — Разве вы не слышали, что у него дела плохи. Не погибать же нам вместе...

Я поклонился могиле моего дорогого, незабвенного учителя, и здесь, на кладбище, мне вспомнились его слова:

...«здесь его колыбель, где нет жизни, нет и нет, но в каждом темном тополе, в каждой могиле чувствуется присутствие тайны, обещающей жизнь тихую, прекрасную, вечную. От плит и увядших цветов, вместе с осенним запахом листьев, веет прощением, печалью и покоем»¹⁴.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Здесь Яковлев ошибается в инициалах. Имеется в виду Елена Михайловна Шаврова (1874—1937), беллетристка, готовившаяся к сценической карьере, занималась в музыкально-драматическом училище Московского общества литературы и искусства.

² Яковлев был участником Московского кружка любителей драматического искусства. В конце февраля 1897 г. кружок выезжал в Серпухов для постановки спектакля в пользу местной земской школы, попечителем которой состоял Чехов. Были поставлены комедия Гнедича «Брак» и одноактная пьеса Бибикова «Приличия». Инициатором спектакля был Чехов.

³ Письмо это написано не в феврале, а в марте, не ранее 25-го, когда Чехов лег в клинику Остроумова.

⁴ Яковлев навестил больного Чехова в клинику проф. Остроумова в тот же день, когда у Чехова был Л. Н. Толстой. Это было 28 марта 1897 г.

⁵ Под инициалами А. С. здесь скрывается сам Яковлев, о чем убедительно говорят приведенные нами в предисловии к публикации выдержки из его писем к Чехову.

Приведенный текст совета Чехова по поводу рассказа А. С. является, очевидно, несколько видоизмененным письмом Чехова к Яковлеву, возможно, в ответ на письмо Яковлева к Чехову от 6 апреля 1897 г., которое мы цитировали в предисловии.

⁶ Ивана Павловича Чехова.

⁷ Настоящее письмо Чехова к Яковлеву можно датировать 26 или 27 октября 1898 г. (Ялта). В хлопотах об Иване Павловиче Чехове Антон Павлович надеялся на влиятельного отца адресата — сенатора Сергея Павловича Яковлева. Ответное письмо Яковлева Чехову датировано 30 октября 1898 г.: «Не знаю, как и благодарить вас, милый и дорогой Антон Павлович, за все ваши хлопоты. Большое, сердечное вам спасибо! Брата вашего, Ивана Павловича, можно произвести в чин и без службы в благотворительном обществе: это может сделать Министерство в награду за полезную деятельность. Я говорил об этом кое с кем. Теперь необходимо иметь нечто вроде *sigillum vitae* вашего брата. Интересно знать: 1) все ли 20 лет прослужил он в Московской думе; 2) получал ли какие-нибудь награды; 3) выдавали ли ему денежные пособия; 4) где кончил он курс. В свободную минуту ответьте мне, пожалуйста, на эти вопросы. Просьбу вашу исполню непременно: буду стараться, насколько сил хватит. Уверен, что не позже начала будущего года мы (т. е. я и министр народного просвещения) произведем Ивана Павловича в чин коллежского регистратора».

Получив это письмо, Чехов, вероятно, послал запрос И. П. Чехову. В письме к М. П. Чеховой (13 ноября 1898 г., Ялта) читаем: «Ивану поклон. Скажите, что я жду от него формулярного списка; мне не нужно точной копии, пусть вспомнит и сам напишет по памяти» (XVII, 356). 16 ноября 1898 г. Чехов писал Ивану Павловичу из Ялты: «Милый Иван, я сегодня 16-го получил бумаги и уже послал их» (там же, стр. 358).

4 декабря 1898 г. Яковлев сообщал Чехову: «Дорогой Антон Павлович! Бумаги вашего брата я получил и переслал моему отцу. Ивану Павловичу необходимо, как я уже вам писал, представиться Сергею Павловичу, который примет его очень хорошо и сделает все, что только возможно. Лучше было бы, если бы ваш брат навесил отца в праздник. Отец по праздникам свободнее».

13 декабря 1898 г. Чехов писал Ивану Павловичу: «До отъезда непременно побывай у Сергея Павловича. Если теперь не пойдешь, ты придется ждать до конца будущего года, так как представления бывают только к январю» (XVII, 387).

Очевидно ко второй половине декабря 1898 г. относится следующее письмо Яковлева к Чехову:

«Я только что отправил мое письмо вам, дорогой Антон Павлович, как получил письмо от отца. Сергей Павлович сообщает мне, что ваш брат у него был и что производство его в чин возможно только в том случае, если Иван Павлович поступит на государственную службу по учебной части. В ведении Человеколюбивого общества, председателем которого состою в Москве мой отец, находится Набилковское мужское училище. Отец предложил Ивану Павловичу „прикомандироваться“ к сему училищу... Одновременно с этим письмом посылаю вам № „СПб. Вед.“, в котором напечатано мое „Пожертвование“».

⁸ Речь идет о рассказе «Письмо к ученому соседу» («Стрекоза», 1880, № 10 от 9 марта). Был ли этот рассказ первым напечатанным рассказом Чехова или ему предшествовали более ранние — не установлено.

⁹ Николай Валерианович *Муравьев* (1850—1908) — крупный чиновник-юрист; с 1894 по 1905 г. был министром юстиции.

¹⁰ По условиям службы Яковлев переезжал из города в город. В Калугу он переехал в 1901 г. Отсюда он сообщал Чехову в одном из своих писем: «Как я уже писал вам, я обретаюсь в Калуге, где познакомился с вашими старыми искренно любящими вас друзьями — Киселевыми. Что за симпатичные и милые люди! Я часто бываю у них, и каждый раз мы вспоминаем вас... Не попалался ли вам номер „России“ от 7 ноября, в котором был напечатан рассказ „Поручение“?»

¹¹ Кроме приводимого Яковлевым отрывка из письма Чехова от конца декабря 1902 г., вероятно, существовали и другие письма Чехова к Яковлеву в Калугу, где последний находился с 1901 г. и откуда он писал Чехову еще в 1901 г. (см. прим. 10).

¹² Т. е. 1903 г.

¹³ Отец Чехова скончался не от несчастного случая, а от неудачной операции.

¹⁴ Из рассказа «Ионыч» (IX, 293).